

**ЗНАНИЕ
- СИЛА**

2 1962

Уильям Моррисон

Мешок

«Наследник Стругацких»

Моррисон У.

Мешок / У. Моррисон — «Наследник Стругацких»,

• Мешок • Пиршество демонов • Лечение

© Моррисон У.
© Наследник Стругацких

Содержание

Мешок	5
Мешок	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Уильям МОРРИСОН

МЕШОК

фантастические рассказы

Мешок
перевод А. и Б. Стругацких

Сначала они даже не подозревали о существовании Мешка.

Остановка была случайной. Правительственный патрульный корабль потерпел аварию и был вынужден искать место для ремонта. На это требовалось по крайней мере семьдесят часов. К счастью, они располагали некоторым запасом воздуха, и рециркуляционная система на корабле работала безукоризненно. Запасы пищи, правда, были ограничены, но это мало беспокоило экипаж, так как все знали, что можно затянуть пояса потуже и несколько дней прожить на урезанном пайке. Гораздо хуже обстояло дело с водой: в цистернах оказалась течь. В течение последующих пятидесяти часов после того, как они прибыли на эту голую эллипсоидальную планетку, вода была главной темой их разговоров.

Наконец, капитан Ганко сказал:

– Что там говорить, воды не хватит. И нигде поблизости нет ни одной станции снабжения. Остаётся только радировать и надеяться, что нам навстречу вышлют спасательный корабль с аварийным запасом.

Его помощник отозвался уныло:

– Будет очень скверно, если мы не найдём друг друга в пространстве, капитан.

Капитан Ганко невесело рассмеялся.

– Конечно, будет очень скверно. Нам тогда предоставится случай испытать, долго ли мы сможем выдержать без воды.

Некоторое время все молчали. Затем второй помощник сказал:

– Возможно, вода есть где-нибудь здесь, на астероиде, сэр.

– Здесь? Да как она может удержаться здесь при силе тяжести, едва достаточной, чтобы удерживать скалы? И где здесь, чёрт подери, она могла бы быть?

– Отвечаю на первый вопрос, – отозвался мягкий, казалось, проникавший сквозь ткань скафандров голос. – Она может сохраниться в кристаллическом состоянии. Отвечаю на второй вопрос. Она находится на глубине шести футов.

При первых же словах все обернулись. Но там, откуда, как им казалось, доносился голос, никого не было. Капитан Ганко нахмурился, глаза его угрожающе сузились.

– Полагаю, среди нас нет неумных шутников, – кротко проговорил он.

– Нет, – ответил голос.

– Кто это говорит?

– Я, Изрл.

Тут один из членов экипажа заметил какое-то движение на поверхности огромной скалы. Когда голос смолк, движение прекратилось, но люди уже не спускали глаз с этого места. Так они узнали об Изрле, или Мешке Мудрости, как его стали впоследствии называть.

Если бы экипаж не состоял на государственной службе и если бы корабль не принадлежал правительству, капитан Ганко мог бы объявить Мешок своей собственностью или собственностью своих хозяев и вышел бы в отставку сказочно богатым человеком. Но при данных обстоятельствах Мешок перешёл в собственность правительства. Его огромное значение было осознано почти сразу же, и Джейк Зиблинг имел основание гордиться, когда кандидатуры более важных и более влиятельных персон политического и промышленного мира были отклонены, и Стражем Мешка назначили его. Зиблинг был коротеньким плотным человечком, обладавшим чрезмерной склонностью к самокритике. Должность Стража была не для хвастуна, и те, от кого зависело назначение, знали об этом. На этот раз они игнорировали официальные чины и поверхностную репутацию и выбрали человека, которого несколько недолюбливали, но на которого полностью полагались.

* * *

Мешок представлял собой твёрдый сероватый ком и действительно несколько напоминал мешок с картошкой. Пока ему не задавали вопросов, в нём не было заметно никаких признаков жизни. Питался он редко: по его словам, раз в тысячелетие, если оставался в покое, в периоды же напряжённой деятельности – один раз в неделю. Он ел и двигался, вытягивая ложноножку, после чего ложноножка убиралась обратно, и Мешок вновь становился мешком с картошкой.

Вскоре оказалось, что данное ему название было удачным и с другой точки зрения, ибо Мешок был набит всевозможными сведениями и, как утверждали некоторые, представлял собой настоящий кладёзь мудрости. Вначале многие сомневались в этом; кое-кто так и не уверовал в это до самого конца.

Но у тех, кто видел и слышал это чудо, не оставалось никаких сомнений. Они даже были склонны полагать, что Мешок знает всё. Это, конечно, было не так.

Официально функция Мешка, узаконенная Сенатской комиссией по Межпланетным сообщениям, состояла в том, что он отвечал на вопросы. Первые вопросы, как мы видели, были заданы случайно капитаном Ганко.

Позже вопросы задавались намеренно, и кое-кому из политиков удалось основательно обогатиться, прежде чем правительство положило конец утечке информации.

Время бесед с Мешком было распределено на месяцы вперёд и распродано неслыханно дёшево, если принять во внимание прибыльность дел, ради которых эти беседы велись, всего по сто тысяч долларов за минуту. Именно эта торговля временем привела к первой крупной склоке в правительстве.

Внезапно Мешок оказался не в состоянии ответить на вопрос, и это вызвало вторую склоку. Сто двадцать вопрошающих, каждый из которых уже уплатил свои сто тысяч, подняли вой, слышный на всех планетах. Началось официальное расследование.

Зиблинг оставил Мешок на попечение своего помощника и однажды вечером оказался на заседании сенатской комиссии, неловко поёживаясь перед наведёнными на него кинокамерами. Допрос вёл сенатор Хорриган – грубый, напыщенный, крикливый политикан.

– Вашей обязанностью является поддержание Мешка в состоянии, позволяющем получать ответы на вопросы, не так ли мистер Зиблинг? – осведомился сенатор Хорриган.

– Да, сэр.

– Тогда почему Мешок оказался неспособным ответить на вопросы, заданные ему указанными клиентами? Эти джентльмены честно заплатили свои деньги – по сто тысяч каждый. Насколько я понимаю, пришлось возместить им эту сумму. Это означает, что правительство потеряло... э, одну минуту... сто двадцать на сто тысяч... Сто двадцать миллионов! – раскатило провозгласил он.

– Двенадцать миллионов, сенатор, – торопливо прошептал секретарь. Поправка принята не была, и число сто двадцать миллионов в должное время украсило газетные заголовки.

Зиблинг сказал:

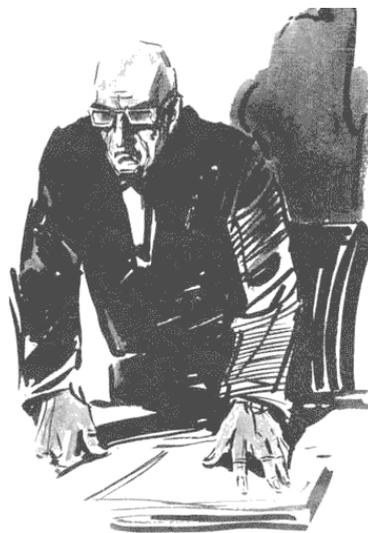
– Как мы установили, сенатор, Мешок оказался неспособным отвечать на вопросы потому, что он не машина, а живое существо. Он выдохся. Ведь ему задавали вопросы двадцать четыре часа в сутки.

– Кто дал разрешение на такой идиотский порядок?! – загремел сенатор Хорриган.

– Вы сами, сенатор, – быстро сказал Зиблинг. – Порядок был установлен законом, внесённым вами и одобренным вашим комитетом.

Хорригана передёрнуло.

– Следовательно, Мешок не отвечал на вопросы в течение целых двух часов?

– Да, сэр. Он возобновил ответы только после отдыха.

– И отвечал уже без каких-либо затруднений?

– Нет, сэр. Его ответы замедлились. Последующие клиенты жаловались, что у них мошеннически вымогают деньги. Но поскольку ответы всё же давались, мы не считались с этими жалобами, и финансовое управление отказало в возмещении убытков клиентов.

– Считаете ли вы, что обман клиентов, уплативших за своё время, честное дело?

– Это меня не касается, сенатор, – ответил Зиблинг, преодолевая нараставшее в нём раздражение. – Я просто слежу за выполнением законов. Вопрос о честности я предоставляю решать вам. Полагаю, что в этом отношении вы безукоризненны.

Среди присутствующих прокатился смех, и сенатор Хорриган вспыхнул. Его не любили даже члены его партии, и среди смеявшихся были некоторые из его лучших политических друзей. Он решил оставить это направление допроса, оказавшееся таким неприятным.

– Правда ли, мистер Зиблинг, что вы часто не допускали клиентов, предъявлявших вам расписки в уплате необходимой суммы?

– Это так, сэр. Но...

– Вы признаёте это?

– Дело здесь вовсе не в том, признаю я это или нет, сенатор. Я только хочу сказать...

– Это не важно, что вы хотите сказать. Важно то, что вы уже сказали. Вы обманывали людей, уплативших деньги!

– Это не правда, сэр. Им давалось время позже. Причиной моего отказа было то, что оплаченное ими время уже заранее было зарезервировано управлением вооружённых сил. Когда возникает вопрос о том, кому идти первому, частному клиенту или представителю правительства, я никогда не беру ответственность на себя. Я всегда консультируюсь с правительственным советником.

– Таким образом, вы отказались выносить своё собственное решение?

– Моя обязанность, сенатор, состоит в том, чтобы следить за благосостоянием Мешка. Я не касаюсь политических вопросов. За три дня до того, как я покинул астероид, у нас был момент свободного времени – один из клиентов, уже уплативший деньги, задержался из-за аварии – и тогда я, чтобы не терять времени, задал Мешку вопрос...

– И вы, конечно, использовали это время в своих собственных интересах?

– Нет, сэр. Я спросил Мешок о наиболее эффективном режиме его работы. Из осторожности – я знал, что моему слову могут и не поверить, – я произвёл звукозапись. Если желаете, сенатор, я могу продемонстрировать здесь эту звукозапись.

Сенатор Хорриган хрюкнул и махнул рукой.

– Продолжайте.

– Мешок ответил, что ему требуется два часа полного отдыха из каждых двадцати плюс добавочный час на то, что он называет «развлечением». Под этим он подразумевает беседу с кем-нибудь, кто будет задавать, как он выражается, разумные вопросы и не будет торопить с ответами.

– И вы предлагаете, чтобы правительство тратило три часа из каждых двадцати – сто восемьдесят миллионов наличными?!

– Восемнадцать миллионов, – прошептал секретарь.

– Это время тратится не зря. Любая попытка переутомить Мешок приведёт его к преждевременной гибели.

– Это вы так полагаете?

– Нет, сэр, это сказал Мешок.

Тут сенатор Хорриган пустился в разговоры о необходимости разоблачения преступных планов, и Зиблинга освободили от дальнейшего допроса. Были вызваны другие свидетели, но в конце концов сенатская комиссия так и не смогла прийти к сколько-нибудь определённом решению, и было внесено предложение привлечь к расследованию сам Мешок.

* * *

Поскольку Мешок не мог явиться в Сенат, Сенату, естественно, пришлось явиться к Мешку. Комитет Семи не мог скрыть некоторого беспокойства, когда корабль затормозил и протянул причальные крючья к поверхности астероида. Каждому из членов комитета уже приходилось путешествовать в пространстве, но раньше пунктами назначения были цивилизованные центры, и сенаторам, по-видимому, не улыбалась перспектива высадки на этой лишённой воздуха и света скалистой глыбе.

Представители телевизионных компаний были тут как тут – у них было больше опыта пребывания на пустынных территориях. Они высадились и установили свои аппараты ещё до того, как сенаторы сделали первые робкие шаги из безопасных кабин корабля.

Зиблинг отметил с усмешкой, что в этой несколько пугающей обстановке, вдали от родины, сенаторы были гораздо менее самоуверенны. Ему предстояло играть роль доброжелательного экскурсовода, и он с удовольствием принялся за это дело.

– Видите ли, джентльмены, – сказал он почтительно, – по совету Мешка было решено обезопасить его от возможной угрозы со стороны метеоритов. Именно метеориты уничтожили целиком эту странную расу, и только по счастливой случайности последний её представитель избег этой участи до наших дней. Поэтому мы построили непробиваемый купол-укрытие, и теперь Мешок живёт под его защитой. Клиенты консультируются с ним, используя телевизионную и телефонную связь, что почти так же удобно, как и личная беседа.

Сенатор Хорриган поспешил вцепиться в самый значительный пункт этого сообщения.

– Вы имеете в виду, что Мешок находится в безопасности, и мы подставлены под удары метеоритов?

– Разумеется, сенатор. Мешок – единственный во всей нашей звёздной системе, а сенаторов – много. Их всегда можно заменить путём выборов.

В своём шлеме сенатор позеленел от злости.

– Я думаю, это оскорбление – считать, что правительство не заботится о безопасности и здоровье своих служащих.

– Я тоже так думаю. Я живу здесь круглый год, – и Зиблинг добавил мягко: – Не желают ли, джентльмены, взглянуть на Мешок?

Джентльмены уставились на телевизионный экран и увидели Мешок, который покоился на своём сиденье перед ними, похожий на дерюжный мешок с картофелем. Казалось странным, почему он остаётся в вертикальном положении и не валится на бок. Тем не менее, некоторое время сенаторы не могли сдержать чувство благоговейного ужаса, охватившего их. Даже сенатор Хорриган молчал.

Впрочем, это скоро прошло, и он заявил:

– Сэр, мы – официальная следственная комиссия Сената, и мы прибыли сюда, чтобы задать вам несколько вопросов.

Мешок не обнаружил никаких признаков желания ответить, и сенатор Хорриган, откашлявшись, продолжал:

– Правда ли, сэр, что вы требуете два часа полного отдыха из каждых двадцати часов и один час на развлечения или, я, пожалуй, выражусь более точно – на успокоение?

– Это правда.

Хорриган ждал продолжения, но Мешок не в пример сенаторам не стал вдаваться в подробности. Один из членов комитета спросил:

– Где же вы найдёте индивидуума, способного вести разумную беседу со столь мудрым существом, как вы?

– Здесь, – ответил Мешок.

– Необходимо задавать конкретные вопросы, сенатор, – заметил Зиблинг. – Мешок обычно не говорит о том, о чём его не спрашивают специально.

Сенатор Хорриган поспешно сказал:

– Я полагаю, сэр, что когда вы говорите о подыскании интеллекта, достойного беседы с вами, вы имеете в виду одного из членов нашего комитета, и я уверен, что из всех моих коллег нет ни одного, кому можно было бы отказать в этом. Но все мы не можем растрчивать наше время, необходимое для выполнения множества других обязанностей, и я хотел бы спросить вас, сэр, кто из нас, по вашему мнению, в особенности располагает мудростью, требуемой для этой огромной задачи?

– Никто, – сказал Мешок.

Сенатор Хорриган был смущён. Другой сенатор покраснел и спросил:

– Тогда кто же?

– Зиблинг.

Хорриган забыл о своём благоговении перед Мешком и вскричал:

– Это подстроено заранее!

Только что говоривший сенатор вдруг сказал:

– А почему здесь нет других клиентов? Разве время Мешка не продано далеко вперёд?

Зиблинг кивнул.

– Мне приказали аннулировать все ранее заказанные консультации, сэр.

– Какой болван это приказал?

– Сенатор Хорриган, сэр.

На этом расследование, собственно, и закончилось. В последний момент сенатор Хорриган успел задать Мешку отчаянный вопрос:

– Сэр, буду ли я переизбран?

Крики возмущения, исторгнутые его коллегами, заглушили ответ Мешка, и только вопрос был услышан отчётливо и разнесён радиостанциями по межпланетному пространству.

Эффект этого происшествия был таков, что сам по себе явился ответом на вопрос сенатора Хорригана. Он не был переизбран. Но ещё перед выборами он успел проголосовать против назначения Зиблинга на пост собеседника Мешка. Зиблинг всё-таки был назначен четырьмя голосами против трёх, и решение комиссии утвердил Совет. А сенатор Хорриган исчез на время как из жизни Мешка, так и из жизни Зиблинга.

Зиблинг ожидал своего первого часового интервью с Мешком не без некоторого трепета.

* * *

«О чём же, – думал Зиблинг, – я должен буду говорить с ним?». Он боялся потерять то доброе мнение, которое Мешок почему-то составил о нём.

Некоторое время он стоял перед Мешком молча. К его изумлению, Мешок заговорил первым – впервые заговорил сам, не ожидая вопроса. – Вы не разочаруете меня? – сказал он.

Зиблинг улыбнулся. Мешок никогда ещё не говорил так. Впервые он показался Зиблингу не столько механическим мозгом, сколько живым существом. Зиблинг спросил:

– Сколько вам лет?

– Четыреста тысяч. Я могу указать свой возраст с точностью до долей секунды, но я полагаю, что точные цифры интересуют вас меньше, чем моих обычных собеседников.

«Мешок по-своему не лишён чувства юмора», – подумал Зиблинг и спросил:

– И сколько лет вы провели в одиночестве?

– Более десяти тысяч лет.

– Однажды вы сказали кому-то, что ваши товарищи были убиты метеоритами. Вы не могли оградить себя от этой опасности?

– Чем больше вещей становится для вас возможными, тем отчётливее вы осознаёте, что ничего нельзя сделать, минуя законы природы. Мы не были и не могли быть всесильными. Иногда кто-нибудь из особо глупых клиентов задаёт мне вопросы, на которые я не могу ответить, а потом сердится потому что чувствует, что заплатил деньги напрасно. Другие просят меня предсказать будущее. Я могу предсказать только то, что могу рассчитать, но способность моя к расчётам тоже ограничена, и хотя мои возможности по сравнению с вашими огромны, они не позволяют предусмотреть всего.

– Какие особенности вашего организма или какие органы мышления позволяют вам так много знать?

Мешок заговорил, но слова его были непонятны Зиблингу, и он признался в этом.

– Я мог бы сказать вам сразу, что вы не поймёте, – промолвил Мешок, – но я хотел, чтобы вы осознали это сами. Чтобы объяснить всё это, мне пришлось бы продиктовать вам с десятков томов, и тома эти вряд ли были бы поняты даже вашими специалистами по биологии, физике и тем наукам, которые вы ещё только начинаете изучать.

Зиблинг не отвечал, и Мешок проговорил словно в раздумье:

– Уже много месяцев я в ваших руках, но ни один из вас ещё не задавал мне важных вопросов. Те, кто желает разбогатеть, расспрашивают о минералах и о концессиях на участки, спрашивают, как сколотить состояние. Некоторые врачи спрашивали меня, как лечить смертельно больных богатых пациентов. А когда задают вопросы ваши сенаторы, они оказываются самыми глупыми из всех, ибо хотят только знать одно – как удержаться у власти.

– Так ли велика моя ценность, как это кажется? – продолжал Мешок. – И следовало бы спросить, что приносят мои ответы – пользу или вред?

– А что они приносят?

– Вред. – Процесс достижения истины так же драгоценен, как и сама истина. Я лишил вас этого. Я даю вашим учёным истину, но не всю, ибо они не знают, как достигнуть её без моей помощи. Было бы лучше, если бы они познавали её ценой многих ошибок.

– А почему вы вообще отвечаете на вопросы?

– Единственное удовольствие, какое я могу ещё получать от жизни, состоит в том, чтобы давать информацию.

– А вы не могли бы находить удовольствие во лжи?

– Я также неспособен лгать, как ваши птицы неспособны покинуть Землю на собственных крыльях.

– Ещё один вопрос. Почему вы потребовали, чтобы во время отдыха разговаривал с вами именно я? У нас есть блестящие учёные, великие люди всех сортов, из которых вы могли бы выбирать.

– Я избрал вас, потому что вы честны.

– Спасибо. Но на Земле много других честных людей. И на Марсе, и на других планетах. Почему я, а не они?

Мешок, казалось, колебался:

– Это доставило мне маленькое удовольствие. Возможно потому, что я знал – мой выбор будет неприятен тем... семерым...

Это был только первый из многих разговоров с Мешком.

Три беседы подряд Зиблинг потратил, стараясь уяснить, каким образом Мешок смог без всякого предварительного контакта с людьми понять земной язык капитана Ганко в тот исторический час, когда этот сверхразум впервые открыл себя людям, и как он смог ответить словами, практически лишёнными всякого акцента. Но и после трёх бесед у Зиблинга осталось лишь весьма смутное представление о том, как это делалось.

Через год Зиблинг уже затруднился бы сказать, что более занимало его: эти часовые беседы с Мешком или хитроумно-дурацкие требования некоторых мужчин и женщин, заплативших свои сотни тысяч за драгоценные шестьдесят секунд.

Все беседы с Мешком, в том числе и беседы Зиблинга, записывались на плёнку, и записи хранились в специальном архиве в Штатах. Многих из записей Зиблинг не понимал – некоторые потому, что они были сугубо технические, другие – потому, что он не знал, на каком языке шла беседа. Мешок, конечно, немедленно выучивал все языки при помощи процесса, суть которого он так и не смог объяснить Зиблингу, а в центральном архиве технические эксперты-лингвисты тщательно изучали каждую фразу каждого вопроса и ответа, чтобы, во-первых, убедиться, что клиент не являлся преступником, и, во-вторых, чтобы иметь данные для сбора подоходного налога, когда клиент с помощью Мешка добудет состояние.

Ценность Мешка невероятно увеличилась, и одновременно с этим усилилась жесткая борьба за право пользоваться его услугами. Финансовая политика приобретала странное направление. Все главные вопросы политики теперь решались не на основе изучения фактов, а путём обращения к Мешку. Мешок зачастую давал советы ожесточённым противникам, и это походило на игру в космические шахматы, где гигантские корпорации и правительственные агентства были пешками, а Мешок – игроком, делающим попеременно ходы то за одну, то за другую сторону. Назревали кризисы – и экономические и политические.

Однажды Мешок сказал Зиблингу:

– Борьба за мои заслуги стала слишком жестокой. Она может иметь только один конец.

– Вы имеете в виду, что будет сделана попытка вас украсть?

– Да.

– Вряд ли это возможно. Ваша охрана всё время усиливается.

– Вы недооцениваете силу жадности, – ответил Мешок.

Он был прав – Зиблингу пришлось убедиться в этом довольно скоро.

* * *

В конце четырнадцатого месяца службы Зиблинга, спустя полгода после провала Хорригана на перевыборах, появился клиент, заговоривший с Мешком на марсианском диалекте Прдл – экзотическом языке, известном весьма немногим. Он обратил на себя внимание Зиблинга ещё и потому, что заранее уплатил миллион за беспрецедентную привилегию говорить с Мешком в течение десяти минут подряд. Разговор был записан, но, естественно, остался непонятным ни Зиблингу, ни какому-либо другому из служащих станции. Беспрецедентным было и то, что незнакомец покинул астероид через семь минут, так и не использовав оставшиеся три минуты, которых было бы достаточно для получения сведений о том, как сколотить несколько небольших состояний. Эти три минуты остались, и не могли быть использованы другими частными клиентами. Но никому бы и в голову не пришло запретить использовать их правительственному служащему, и Зиблинг сейчас же заговорил с Мешком:

– Что спрашивал этот человек?

– Совета, как украсть меня.

Зиблинг был ошарашен.

– Что?

Мешок всегда воспринимал такие восклицания, выражающие изумление, буквально:

– Совета, как украсть меня, – повторил он.

– Тогда... позвольте... он отбыл тремя минутами раньше. Это должно означать, что он попытается начать. Он хочет проводить свой план немедленно!

– Он уже проводит его, – ответил Мешок. – Организация преступников отлично, если не вполне досконально, осведомлена о диспозиции войск охраны. Меня спросили, какой из нескольких планов наилучший, и предложили рассмотреть их с точки зрения слабых мест. Так я и сделал.

– Хорошо, но как мы можем воспрепятствовать выполнению этого замысла?

– Воспрепятствовать нельзя.

– Не понимаю почему. Пусть мы не можем помешать им высадиться, но мы можем помешать им удрать отсюда с вами.

– Есть только один путь. Вы должны уничтожить меня.

– Я не могу сделать этого! У меня нет на это права, а если бы и было – я всё равно не смог бы!

– Тогда, если это исключается, другого пути нет. Они попросили меня проанализировать возможные шаги, которые будут предприняты для преследования, но они не спросили совета, как бежать, ибо это было бы тратой времени. Они спросят об этом, когда я буду у них в руках.

– Значит, – с трудом сказал Зиблинг, – я ничего не могу сделать, чтобы спасти вас. Как мне спасти своих людей?

– Вы можете спасти и их и себя, погрузившись в аварийный корабль. Тогда вы избежите контакта с преступниками. Но меня с собой не берите, иначе за вами будет погоня.

Крики охраны привлекли внимание Зиблинга.

– Радио сообщает о нападении бандитов, мистер Зиблинг! Сигнализация тревоги не действует!

– Да, я знаю. Готовьте корабль. Он пробормотал простую и глупую фразу: «До свидания», словно Мешок был человеком и мог переживать, как человек, и бросился к кораблю.

Они стартовали вовремя. Полдюжины кораблей неслись к астероиду с нескольких сторон, и корабль Зиблинга успел проскочить как раз за секунду до того, как они оцепили астероид, на котором находился Мешок.

И затем произошло нечто совершенно неожиданное. Впервые Зиблинг полностью уразумел, что хотя Мешок и позволил использовать себя как простую машину, это случилось вовсе не потому, что его возможности были ограничены только способностью анализировать. Экран телевизора вдруг осветился.

Связист подбежал к Зиблингу.

– Что-то случилось, мистер Зиблинг, – сказал он, – ведь телевизор не включён!

Телевизор не был включён. И тем не менее они увидели камеру, в которой Мешок провёл четырнадцать месяцев – краткое мгновение своей жизни. В камеру вошли двое: незнакомец, говоривший на Прдл, и сенатор Хорриган.

Когда на экране снова возникло изображение, это была комната внутри пиратского корабля, покидающего астероид. Его никто не преследовал. По-видимому, планы похитителей плюс информация Мешка составили действенную комбинацию.

Сначала единственными людьми возле Мешка были Хорриган и незнакомец, говорящий на Прдл, но это продолжалось недолго. В помещение ввалилось ещё человек десять. Лица их казались угрюмыми и выражали недоверие. Один из них объявил:

– Не смейте разговаривать с Мешком, пока мы все не соберёмся около него. Мы все имеем на него право.

– Не нервничайте, Меррилл. Не думаете ли вы, что я собираюсь надуть вас?

– Да, я так думаю, – ответил Меррилл. – Что вы скажете, Мешок? Есть у меня основания не доверять ему?

Мешок ответил коротко:

– Да.

Незнакомец, говоривший на Прдл, побледнел. Меррилл холодно рассмеялся.

– Будьте осторожны, когда задаёте вопросы возле этой штуки.

Хорриган прокашлялся.

– У меня нет намерения, как вы говорите, надувать кого бы то ни было. Не такой я человек. Поэтому я буду говорить с ним, – он повернулся к Мешку.

– Сэр, грозит ли нам опасность?

– Да.

– С какой стороны?

– Ни с какой. Изнутри корабля.

– Опасность немедленная?

– Да.

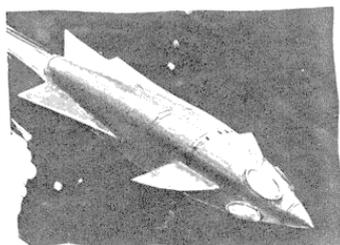
Тут выяснилось, что Меррилл обладает самой быстрой реакцией; именно он первый начал действовать в соответствии с намёками, содержащимися в ответе. Он застрелил человека, говорившего на Прдл, прежде, чем тот успел схватиться за оружие, а когда Хорриган бросился в ужасе к дверям, хладнокровно уложил и его.

– Вот так, – сказал он. – Есть ли ещё опасность внутри корабля?

– Есть.

– Кто? – зловеще спросил Меррилл.

– Опасность не исчезнет до тех пор, пока я буду с вами и на корабле останется больше одного человека. Я слишком большое сокровище для таких, как вы, и для ваших правителей.

Зиблинг и его экипаж, как замороженные, глядели на экран, ожидая, что снова начнется война. Но Меррилл овладел собой.

Он сказал:

– Погодите, ребята. Я признаю, что мы – каждый из нас – хотели бы иметь эту штуку только для себя. Но это не осуществимо. Мы все вместе в этом деле, и будь я проклят, если очень скоро нам не придется отбиваться от военных кораблей. Эй, Прадер! Почему ты здесь, а не у перископов?!

– Я слушаю, – сказал Прадер. – Если кто-нибудь вздумает разговаривать с этой штукой, то я хочу быть здесь и слышать ответы. А если есть еще новые способы ударить из-за угла, то я хочу узнать и про них.

Меррилл выругался. В тот же момент корабль качнуло, и он заорал: – Мы сошли с курса! По местам, идиоты! Живее!

Все кинулись вон, но Зиблинг заметил, что Меррилл был не настолько озабочен общей опасностью, чтобы не выстрелить Прадеру в спину, прежде чем несчастный успел выскочить.

– Теперь им конец, – сказал Зиблинг. – Они перебьют друг друга, а оставшиеся двое или трое погибнут потому, что их будет слишком мало, чтобы управлять таким кораблем. Должно быть, Мешок предвидел и это. Странно только, почему он не предупредил меня.

Мешок заговорил, хотя в помещении никого не было.

– Меня никто не спрашивал, – сказал он.

Зиблинг взволнованно закричал:

– Вы слышите меня! Но что будет с вами? Вы тоже погибнете?

– Нет еще. Мне захотелось пожить дольше, – он помолчал и затем чуть тише добавил: я не люблю выражений, не содержащих сведений, но я должен сказать. Прощайте.

Послышались крики, стрельба. Затем экран внезапно потускнел и погас.

Удивительный вид жизни, которым был Мешок, существо, на вид столь чуждое человеческим эмоциям, навсегда ушло за пределы знания Зиблинга.

Журнал «Знание – сила» № 2 1959 г.

Мешок перевод С. Бережковой

Сначала они даже и не подозревали о существовании Мешка. Если они и заметили его, когда опустились на астероид, то, вероятно, подумали, что это просто скалистый выступ на голой кремнистой поверхности эллипсоидальной планетки, наибольший диаметр которой, по определению капитана Ганко, составлял около трёх миль, а наименьший – около двух. Никому бы не пришло в голову, что скромный предмет, так неожиданно попавший в их руки, вскоре будет признан самой драгоценной находкой в солнечной системе.

Остановка была случайной. Правительственный патрульный корабль потерпел аварию и был вынужден искать места для ремонта, на который требовалось по крайней мере семьдесят часов. К счастью, они располагали запасом воздуха, и рециркуляционная система на корабле работала безукоризненно. Запасы пищи были ограничены, но это мало беспокоило экипаж, так как все знали, что можно затянуть пояса потуже и несколько дней прожить на урезанном пайке. Гораздо хуже обстояло дело с водой: большая часть её пропала из-за течи в цистернах. В течение последующих пятидесяти часов вода была главной темой их разговоров.

Наконец капитан Ганко сказал:

– Что там говорить, воды не хватит. И нигде поблизости нет ни одной станции снабжения. Остаётся только радировать и надеяться, что нам навстречу вышлют спасательный корабль с аварийным запасом.

Шлемофон его помощника отозвался уныло:

– Будет очень скверно, если мы не найдём друг друга в пространстве, капитан.

Капитан Ганко невесело рассмеялся.

– Конечно, скверно. Нам тогда представится случай выяснить, долго ли мы сможем выдержать бел воды.

Некоторое время вес молчали. Затем второй помощник сказал:

– Возможно, вода есть где-нибудь здесь, на астероиде, сэр.

– Здесь? Да как она может удержаться здесь при силе тяжести, которой едва хватает, чтобы не улетели скалы? И где она, чёрт подери?

– Отвечаю на первый вопрос, – отозвался мягкий жидкий голос, казалось, проникавший сквозь ткань скафандров откуда-то сзади. – Она может сохраниться в кристаллическом состоянии. Отвечаю на второй вопрос. Она находится на глубине шести футов, и добыть её нетрудно.

При первых же словах все обернулись. Но там, откуда, как им казалось, доносился голос, никого не было. Капитан Ганко нахмурился, глаза его угрожающе сузились.

– Полагаю, среди нас нет неумных шутников, – кротко проговорил он.

– Нет, – ответил голос.

– Кто это говорит?

– Я, Изрл.

Тут один из членов экипажа заметил какое-то движение на поверхности огромной скалы. Когда голос смолк, движение прекратилось, но люди уже не спускали глаз с этого места. Так они узнали об Изрле, или Мешке Мудрости, как его чаще называли.

Если бы экипаж не состоял на государственной службе и если бы корабль не принадлежал правительству, капитан Ганко мог бы объявить Мешок своей собственностью или собственностью своих хозяев и вышел бы в отставку сказочно богатым человеком. Но при данных обстоятельствах Мешок перешёл в собственность правительства. Его огромное значение было осознано почти сразу же, и Джейк Зиблинг имел основание гордиться, когда кандидатуры более важных и более влиятельных персон были отклонены, и Стражем Мешка назначили его. Зиб-

линг был коротеньким, плотным человечком, обладавшим чрезмерной склонностью к самокритике. Он выполнил несколько трудных заданий и позволил другим людям присвоить лавры своих успехов. Должность Стража были не для хвастуна, и те, от кого зависело назначение, знали об этом. На сен раз они игнорировали официальные чины и поверхностную репутацию и выбрали человека, которого несколько недолюбливали, но на которого полностью полагались. И это была величайшая дань из когда-либо приносившихся на алтарь честности и способностей.

Мешок, как выяснил Зиблинг, наблюдая его ежедневно, редко изменял форму, в которой люди увидели его впервые – твёрдый сероватый ком, напоминающий мешок с картошкой. Таким он оставался всегда, и, пока ему не задавали вопросов, в нём не было заметно никаких признаков жизни. Питался он редко: по его словам – раз в тысячелетие, если оставался в покое, и раз в неделю – в периоды напряжённой деятельности. Он ел и двигался, вытягивая ложноножку, после чего ложноножка убиралась обратно, и Мешок вновь становился мешком с картошкой.

Вскоре оказалось, что имя «Мешок» было удачным и с другой точки зрения. Ибо Мешок был набит сведениями и – ещё больше. – мудростью. Вначале многие сомневались в этом: кое-кто так и не уверовал до самого конца, точно так же, как некоторые люди уже через столетия после Колумба продолжали считать, что Земля плоская. Но у тех, кто видел и слышал Мешок, не оставалось никаких сомнений. Они даже были склонны полагать, будто Мешок знает всё. Это, конечно, было не так.

Официально функция Мешка, узаконенная Сенатской комиссией по Межпланетным сообщениям, состояла в том, что он отвечал на вопросы. Первые вопросы, как мы видели, были заданы случайно капитаном Ганко. Позже вопросы задавались намеренно, но цели их были сами по себе беспорядочны и случайны, и кое-кому из политиков удалось основательно обогатиться, прежде чем правительство положило конец утечке информации и упорядочило процесс задавания вопросов и получения ответов.

Время бесед с Мешком распределили на месяцы вперёд и распродали неслыханно дёшево, если принять во внимание прибыльность дел, ради которых эти беседы велись – всего по сто тысяч за минуту. Именно эта торговля временем привела к первой крупной склоке в правительстве.

Внезапно Мешок оказался не в состоянии ответить на вопрос, который для мозга его мощности должен был бы казаться весьма простым, и это вызвало второй взрыв такой силы, что его можно было бы назвать кризисом. Сто двадцать вопрошающих, каждый из которых уже уплатил свои сто тысяч, подняли вой, слышимый на всех планетах. Началось официальное расследование, на котором Зиблинга подвергли допросу и которое обнажило перед публикой все склоки и противоречия внутри правительства.

Зиблинг оставил Мешок на попечение своего помощника, и теперь на заседании Сенатской комиссии он неловко поёживался перед наведёнными на него кинокамерами. Допрос вёл сенатор Хорриган – грубый, напыщенный, крикливый политикан.

– Вашей обязанностью является поддержание Мешка в состоянии, позволяющем получать ответы на вопросы, не так ли, мистер Зиблинг? – осведомился сенатор Хорриган.

– Да, сэр.

– Тогда почему Мешок оказался неспособным ответить на вопросы, заданные ему клиентами? Эти джентльмены честно заплатили свои деньги – по сто тысяч каждый. Насколько я понимаю, пришлось возместить им эту сумму. Это означает, что правительство потеряло... э, одну минуту... сто двадцать на сто тысяч... Сто двадцать миллионов! – раскатисто провозгласил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.